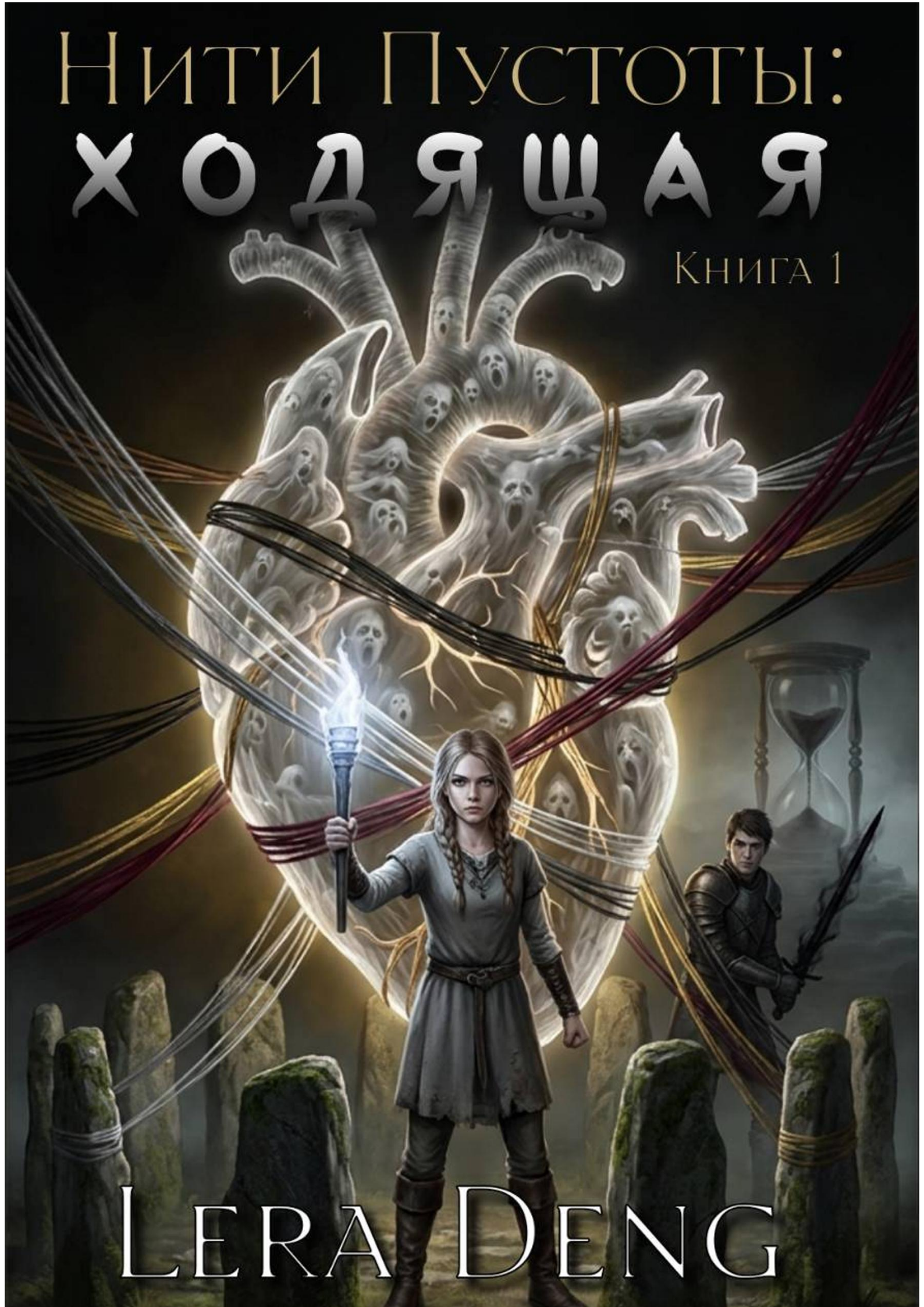

Нити Пустоты: ХОДЯЩАЯ

КНИГА 1

LERA DENG

Lera Deng

Нити Пустоты. Ходящая

«Автор»

2026

Deng L.

Нити Пустоты. Ходящая / L. Deng — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Клери Берстон умеет танцевать вальс, делать реверансы и улыбаться гостям на балах. Она не умеет открывать двери между мирами, распутывать нити чужих судеб и сражаться с богами, которые питаются страхом. Но всему этому ей придётся научиться — за одну ночь. Потому что её младшая сестра исчезла. Родители превратились в пустые оболочки. А единственный ключ к спасению семьи спрятан в Пустоте — измерении, где время течёт вспять, мёртвые разговаривают, а тени пожирают тех, кто смотрит на них слишком долго. Вместе с Генри Рейсом, другом детства, который клянётся не отпускать её руку даже в аду, и Дорианом — загадочным пленником Пустоты, чья помощь обойдётся дороже предательства, — Клери отправится в сердце тьмы. Её ждут древние хранители, говорящие карты, часы, в которых время сыплется вверх, и выбор, который изменит не только её судьбу, но и судьбу всех миров. «Ты — не спасительница, Клери. Ты — проводник. И все проводники рано или поздно сбиваются с пути».

© Deng L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: ВАЛЬС В НИКУДА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОДВАЛ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО НА ПЛАНЕ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ: ХРАНИТЕЛЬ И ЕГО НОША	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: УЗЕЛ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	20
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нити Пустоты. Ходящая

ПРОЛОГ: ВАЛЬС В НИКУДА

Бальный зал поместья Берстонов сиял. Тысячи свечей отражались в зеркалах, золотые канделябры свисали с расписного потолка, а паркет, натёртый до блеска, помнил шаги трёх поколений аристократов. Сегодня здесь праздновали рождение Лизз — младшей дочери Альберта Берстона, которая мирно сопела в белой люльке в углу, пока взрослые пили шампанское и делали вид, что помнят, зачем собрались.

В центре зала кружились двое.

Они двигались так, будто танцевали всю жизнь — что, впрочем, было недалеко от истины. Девушка в платье цвета звёздного неба, с русыми волосами, выбившимися из высокой причёски, и юноша в тёмно-синем камзоле, с лёгкой небритостью, которую он считал признаком мужественности, а его мать — поводом для публичной порки.

Клери Берстон и Генри Рейс.

Они не были влюблены. Им это говорили постоянно — матери, отцы, тётушки, кузины, даже дворецкий, который застал их однажды на крыше конюшни в полной уверенности, что они «что-то там делают» (они ели яблоки и спорили, умеют ли лошади мечтать). Но между ними была вещь почище романтики. Между ними было шестнадцать лет общей истории.

Истории, которая началась с икоты.

Шестнадцать лет назад

Годовалый Генри Рейс, краснощёкий и недовольный жизнью, восседал на руках у няньки и изучал мир с видом человека, которому недодали сладкого. Мир, впрочем, тоже не горел желанием знакомиться. Родители толкали его к другим детям, но Генри предпочитал кусать чужие пальцы и требовать, чтобы его отнесли обратно в кроватку.

И тогда ему показали её.

Свёрток. Белый, кружевной, с маленьким красным лицом и кулачками, сжатыми так сильно, будто их обладательница собиралась кого-то ударить. Младенец открыл глаза — серые, огромные, не по возрасту серьёзные — и уставился на мальчика.

Генри попытался отвернуться. Не получилось. Взгляд был сильнее. Он чувствовал, как этот маленький комочек требовательности пронизывает его насквозь, оценивает, взвешивает и, кажется, присваивает.

Мальчишка напрягся. Чувствуя, что от него чего-то ждут, а он не понимает — чего, он сделал единственное, что пришло в голову.

Он икнул.

Громко. Внезапно. С лёгким подвыванием, которое заставило нянек вздрогнуть.

В свёртке что-то дрогнуло. Из красного надутого личика проступила улыбка — беззубая, мокрая, но до невозможности победительная.

Клери Берстон праздновала первую победу в своей жизни. Генри Рейс сдался. И с того дня они были неразлучны.

Теперь

— Твой отец, наверное, волнуется, — заметил Генри, когда они выскользнули из балльного зала в полумрачный коридор.

Клери шла рядом, её пальцы касались его локтя — не потому что она нуждалась в опоре, а потому что так было привычно.

— Это не мой праздник, — ответила она. — Это праздник Лизз. Я здесь лишь декорация.

— Дорогая декорация, — поправил Генри с улыбкой, которая у него выходила кривоватой и от этого ещё более обаятельной.

Клери тихо фыркнула. Эта привычка — фыркать, когда он нёс чушь, — осталась у неё с детства. Как и привычка слушать его чушь с полуслова.

Они свернули в боковой проход. Свечи здесь горели реже, лунный свет проникал сквозь узкие окна, и коридор пах пылью и забытыми молитвами. Генри знал этот дом как свой — они с Клери облазили каждую комнату, каждый чердак и каждый подвал, в котором помещался хотя бы один сундук с потенциальными сокровищами.

Но туда, куда она вела его сейчас, он никогда не заходил.

— Я слышал, — сказал он, замедляя шаг, — твой отец и мой говорили о... союзе.

Клери остановилась. Обернулась. В полумраке её серые глаза казались почти чёрными, и в них было что-то новое — то, чего Генри не видел раньше.

— Я тоже слышала, — сказала она. — Мама рассказала, когда причёсывала меня перед балом. Знаешь, что я ответила?

— Что ты ещё слишком молода? Что хочешь увидеть мир? Что...

— Что я люблю тебя, — перебила она. — Но не так, как они хотят.

Генри замолчал. В далёкой тишине, где-то за стенами, капала вода — мерно, неумолимо, как тиканье часов, которые отсчитывали время, которого у них, возможно, оставалось не так много.

— Клери, — сказал он наконец, — я никогда не смогу стать твоим мужем. Не потому, что ты мне не дорога. А потому что дороже родной души у меня никого нет. А женятся — прости за цинизм — на тех, с кем хотят делить постель, а не детские воспоминания о разбитых коленках и украденных картах сокровищ.

Она рассмеялась. Тихо, почти беззвучно, но этот смех сломал напряжение, повисшее между ними, как старая паутина.

— Ты всегда умел сказать так, что обижаться невозможно, — она взяла его за руку и повернулась к двери, обитой почерневшей медью. — Идём. Я хочу тебе кое-что показать.

— Что?

— Тайну.

Дверь со скрипом поддалась. Изнутри пахнуло холодом и чем-то ещё — неуловимым, чужим, электрическим. Воздух, которого не должно было быть в подzemелье старого дома.

— Тайну, которую я храню с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. И которую пришло время рассказать.

— Звучит зловеще, — Генри шагнул следом. Дверь за ними закрылась сама. — Я люблю зловещее.

— Ты любишь приключения, — поправила Клери, и в её голосе появилась новая нота — глубже, увереннее, словно в темноте она переставала быть просто Клери. — И сейчас я тебе их устрою. Таких, о каких не пишут в твоих пиратских книжках.

Пол ушёл из-под ног. Мир кувыркнулся, рассыпаясь тысячами искр, похожих на те, что летели из-под их ног в вальсе, но теперь — теперь они жглись.

— Держись за меня, — услышал он её шёпот сквозь свист ветра, которого здесь, в подzemелье, просто не могло быть. — И не отпускай. Что бы ни случилось.

Генри сжал её пальцы.

Она сжала в ответ.

А наверху, в бальном зале, оркестр заиграл новую мелодию. Гости подняли бокалы за здоровье маленькой Лизз. И миссис Берстон, не находя места от беспокойства, отправила слугу искать старшую дочь по всем двадцати семи комнатам поместья.

Слуга вернулся ни с чем.

Дом молчал.

А где-то в глубине, там, куда не доходил ни лунный свет, ни человеческий голос, двое начали падать сквозь время. И никто ещё не знал, куда они приземлятся и кем вернутся назад — да и вернутся ли вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОДВАЛ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО НА ПЛАНЕ

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Тьма схлынула, как вода из опрокинутой ванны. Удар — но не жёсткий, а вязкий, будто они упали в стог сена. И тишина. Звонящая, гнетущая, живая.

Генри открыл глаза первым.

Над ним — каменный свод, покрытый паутиной, густой, как кружева на платье его матери. Генри Рейс не был человеком, который легко поддавался панике. Сын Итана Рейса, владельца текстильных мануфактур и обладателя самой ярко-вишнёвой шляпы во всех окрестных графствах, он с детства усвоил простую истину: пока ты дышишь — ты не проиграл. Этому правилу он следовал, даже когда они с Клери забрались на крышу конюшни, даже когда дворецкий застал их за поеданием пирожных на кухне после полуночи, даже когда его отец серьёзно обсуждал с её отцом возможность их брака (эта новость едва не отправила Генри в глубокую кому, но он пережил и это).

Сырой воздух. Запах плесени, старого камня и чего-то неуловимо сладкого — мёда? Ванили? Или просто тлена, присыпанного лживыми духами.

Генри сел, чувствуя, как каждый мускул протестует против резкого движения.

— Клери, — прошептал он, садясь. — Ты цела?

Она лежала рядом, раскинув руки по плитам. Платье цвета звёздного неба исчезло. На его месте оказалась простая серая туника — грубая шерсть, но тёплая, — мягкие дорожные сапоги, в которых ноге было удобно, как в домашних тапочках, и кожаный пояс, на котором висела небольшая сумка. Волосы Клери рассыпались по камням, и она напоминала русалку, выброшенную на берег после кораблекрушения.

— Где мы? — спросила она, открывая глаза. Голос её дрожал, но она старалась этого не показывать. Клери с детства ненавидела, когда её считали слабой. — Что происходит?

— Я надеялся, ты мне скажешь, — ответил Генри, поднимаясь и протягивая ей руку.

Она оперлась на его ладонь — тёплую, крепкую, знакомую до дрожи — и встала.

Помещение, в котором они оказались, не было похоже ни на один подвал в поместье Берстонов. Генри знал этот дом как свои пять пальцев — он облазил его вдоль и поперёк, искал тайники, мечтал найти сокровища, а находил лишь старую мебель и скелетов в шкафах, которые оказывались просто скелетами в буквальном смысле (прадед Клери, говорят, коллекционировал черепа экзотических животных, но это была тема, которую в семье предпочитали не обсуждать).

Здесь же всё было иначе.

Вдоль стен высились стеллажи — не из дуба, как в библиотеке, а из какого-то чёрного дерева, которое не встречалось в их краях. На стеллажах — пыльные фолианты в кожаных переплётах с застёжками, запёртые сундуки, покрытые ржавчиной и паутиной, колбы с засохшими осадками, в которых когда-то, возможно, кипели неведомые зелья. Воздух здесь был тяжёлым, спрессованным веками, и пахло в нём не только плесенью, но и чем-то ещё — древностью, которая помнила руки тех, кто ставил эти книги на полки.

В центре комнаты — круг, выложенный из потрескавшегося песчаника. Генри не был специалистом по символизму, но даже он мог сказать, что беспорядочные царапины на камне складывались в осмысленные узоры. Не буквы — он их не узнавал. Скорее, вязь, похожая на те, что он видел в старых церквях, где священники читали на языке, который понимали только они и Бог.

— Это не дом, — сказал Генри.

— Это дом, — возразила Клери, отирая ладони о тунику. — Просто... очень глубокий.
— Насколько глубокий?

Она замялась. Это было странно — Клери никогда не мялась. Она была из тех людей, которые режут правду-матку, а если им не нравится ответ — режут ещё раз.

— Я никогда здесь не была, — призналась она наконец. — Даже мать, кажется, не спускалась так низко.

— А твоя мать вообще знает об этом месте?

Клери открыла рот, чтобы ответить — и не успела.

Потому что из-за одного из стеллажей послышался звук.

Сначала Генри подумал, что это крыса. В подвалах всегда бывают крысы. Но звук был слишком ритмичным для крысиной возни — шорох, похожий на перебирание сухих листьев, а следом — покашливание. Тонкое, скрипучее, как открывание ржавой дверцы.

— Ну наконец-то, — донёсся голос. Скрипучий, с хрипотцой, но с той ласковой интонацией, которой старые няньки успокаивают расшалившихся детей. — Я ждал тебя, дитя. Ждал так долго, что начал сомневаться — не прервался ли род.

Из тени выступило существо.

Генри видел много странного в своей жизни. Он видел, как его отец после третьего бокала коньяка пытался спеть балладу о моряках (зрелище не для слабонервных). Он видел, как дворецкий Берстонов, невозмутимый Себастьян, плакал над финалом «Королевы Марго» (тайна, которую он унёс бы с собой в могилу, если бы Генри не был свидетелем). Но то, что вышло из-за стеллажа, превосходило всё.

Существо было маленьким — ниже пояса Генри, с крупной головой, покрытой редкими пучками седых волос, и длинными руками, почти достающими до земли. Кожа у него была серая, морщинистая, как кора старого дуба, и казалась неестественно сухой — будто существо сто лет не пило воды и не видело солнца.

Огромные глаза, жёлтые, с вертикальным зрачком, как у кошки в кромешной темноте, светились в полумраке внутренним, нездешним огнём. Существо было одето в лохмотья, которые когда-то были камзолом — расшитым серебром, дорогим, придворным. Лапы — шесть пальцев на каждой, без ногтей, с мягкими подушечками, как у лесного зверя — прижимались к груди в жесте, который мог означать и молитву, и ожидание удара.

Существо замерло на границе круга, наклонило голову — и уставилось на Клери.

— Нет, — прошептало оно, и в скрипучем голосе прорезалась боль. Настоящая, человеческая боль, которую Генри не ожидал услышать от этого... этого чего? — Нет-нет-нет. Ты не она. Люмена, прости меня. Я думал... боги, как же я надеялся...

— Кто — не она? — Клери сделала шаг вперёд.

Генри непроизвольно положил руку на эфес шпаги — той самой, что неизвестно как оказалась у него на поясе. Его собственная шпага, подаренная отцом в день четырнадцатилетия, украшенная гравировкой «Не отступай и не сдавайся», осталась висеть на спинке стула в бальном зале. Эта была другой — проще, острее, без украшений. И чувствовалась она в руке иначе: тяжелее, серьёзнее, будто знала, для чего создана.

— Ты кто такой? — спросила Клери, и её голос был твёрже, чем Генри ожидал.

Существо подняло на неё свои огромные жёлтые глаза. В них стояли слёзы — настоящие, крупные, скатывающиеся по серым морщинистым щекам и падающие на пыльный пол. Генри никогда не думал, что плачущее чудовище может выглядеть так... жалко.

— Я хранитель, дитя. А ты — вылитая Амелия. Вылитая. Те же глаза, тот же поворот головы. Я ждал её возвращения пятьдесят лет. Но пришла ты.

Клери побледнела. Бледность эта была не той, что бывает от страха — скорее от узнавания. Как будто она слышала имя, которое давно носила в себе, но не решалась произнести вслух.

— Амелия? — переспросила она тихо. — Моя... бабушка? Та, что пропала, когда мать была ещё ребёнком?

— Пропала? — существо рассмеялось — скрипуче, надрывно, как несмазанная петля. В этом смехе не было веселья. Была горечь вековой давности. — Её не украли, и она не заблудилась среди дорог. Её спрятали. Собственный отец — твой прадед — запер её в этих стенах, когда ей исполнилось двадцать. Потому что она была... странной.

— Странной? — переспросил Генри.

— Видела то, чего не видели другие, — продолжил хранитель. — Говорила с тем, кого не слышали они. Её называли безумной. Но она не была безумной, дитя. Она была одарённой. Как и ты.

Клери сделала шаг назад — и упёрлась спиной в грудь Генри. Он положил руку ей на плечо, чувствуя, как она дрожит. Мелкой, едва заметной дрожью, которую никто, кроме него, не разглядел бы.

— Продолжай, — сказал Генри существу.

— Меня зовут Книггер, — представилось маленькое существо, слегка склонив голову в подобии поклона. — Я служу вашему роду дольше, чем стоят эти стены. Амелию я знал с пелёнок. Учил её. Водил по мирам.

— По мирам? — перебил Генри. — Каким мирам?

Книггер посмотрел на него так, будто он спросил, что такое вода, стоя по колено в реке.

— По всем, мальчик. По бесчисленным дорогам, которые ваши люди даже не могут вообразить. Амелия была сильнее всех, кто был до неё. Но отец испугался. Запер её здесь, в этом подземелье. А мне приказал — охранять. Не выпускать. Сказал, что это ради её блага. Ради блага семьи.

Голос Книггера задрожал. Его длинные уши — Генри только сейчас заметил, что у существа заострённые, подвижные уши — прижались к голове.

— Я выполнил приказ. Всю жизнь выполнял этот проклятый приказ. Она умерла здесь, дитя. Я похоронил её собственными руками. Вот в той нише за третьим стеллажом.

Клери замерла. Генри чувствовал, как её плечо под его ладонью стало каменным.

— Тогда зачем я здесь? — спросила она глухо. — Если она умерла, если всё кончено... зачем?

Книггер поднял на неё свой жёлтый взгляд. И в этом взгляде Генри увидел то, чего боялся больше всего на свете.

Надежду.

— А я не сказал, что она осталась мёртвой, — прошептал Книггер. — Амелия научилась умирать в одном мире и просыпаться в другом. Она была Ходящей, дитя. Настоящей. Последней в роду, пока не родилась ты. Она не погибла. Она ушла в Пустоту между мирами — и застряла там. Её тело здесь, в земле. Но её разум — её суть — блуждает в нигде.

— И ты хочешь, чтобы я... — Клери не договорила.

— Только ты можешь вернуть её, — Книггер сделал шаг вперёд, протягивая свои длинные руки. Они замерли в дюйме от Клери — не касаясь, словно существо боялось, что прикосновение сожжёт его. — Ваш дар — это нить, связывающая женщин твоей крови. Через время, через смерть, через сами миры. Ты — ключ, дитя. Ты — единственная дверь, через которую Амелия может вернуться домой.

— А если я не захочу? — В голосе Клери появилась сталь. — Если я просто... уйду? Вернусь на бал, к семье, к Лизз?

Книггер отшатнулся. Его лицо — и без того серое — стало пепельным.

— Не делай этого, — прошептал он. — Если ты уйдёшь сейчас, не попытавшись... последствия будут непоправимы.

— Какие последствия? — спросил Генри, всё ещё держа руку на плече Клери.

— Материя времени не терпит пустоты, — Книггер говорил быстро, нервно, перебирая шестипальными лапами края своего ветхого камзола. — Место Амелии в мире пустоет пятьдесят лет. Если ты не закроешь эту рану, не вернёшь её хотя бы для того, чтобы она сама выбрала — уйти окончательно или остаться... реальность начнёт схлопываться. Сначала исчезнет то, что связано с ней напрямую. Потом всё, что связано с её кровью. А потом...

— А потом? — Клери требовала, не спрашивала.

— А потом не останется ничего из того, что вы знали, — выдохнул Книггер. — Ни дома, ни семей, ни именинницы Лизз. Ни даже воспоминаний о них.

Тишина.

Генри подумал о Лизз. О маленькой девочке, которая сегодня ночью спала в люльке и которой ещё даже не исполнилось года. Которую он никогда не считал своей сестрой — у него не было сестёр, были только лучший друг и его странная, вечно недовольная жизнью семейка, — но которая за несколько часов успела стать частью его мира.

Он подумал о том, как Клери держала её на руках. Как улыбалась. Как обещала научить её танцевать, когда та подрастёт.

— Это безумие, — сказала Клери. — Ты говоришь так, будто я могу разрушить мир, просто отказавшись спуститься в подвал.

— Ты уже в подвале, дитя. Вопрос лишь в том — пойдёшь ли ты дальше.

Клери посмотрела на Книггера. На Генри, стоящего рядом с рукой на эфесе шпаги. На каменный круг под ногами. На нишу за третьим стеллажом, где покоилась женщина, которую она никогда не знала — но чья кровь текла в её жилах.

— Я не верю тебе, — сказала Клери твёрдо. — Всё это слишком странно. Слишком неправдоподобно. Сегодня бал моей сестры. Мать ждёт меня. Отец, наверное, уже отправил слуг. Я возвращаюсь.

— Клери, умоляю... — начал Книггер.

— Покажи мне выход.

Хранитель опустил голову. Его уши прижались к черепу, делая его похожим на побитую собаку. Молча он махнул рукой в сторону узкого прохода между стеллажами.

— Там лестница, — глухо сказал он. — Она выведет в малую гостиную. Иди. Но запомни, дитя: я предупредил.

Клери взяла его за руку — ту, длинную, шестипалую, морщинистую — и сжала. Генри видел, как существо вздрогнуло от этого прикосновения, будто не ожидало, что к нему вообще можно прикоснуться.

— Я запомню, — сказала она мягко. — И я вернусь. Когда разберусь, что к чему. Когда пойму, кому верить.

— Времени у тебя может не быть, — ответил Книггер, не поднимая глаз.

Она отпустила его руку и шагнула в проход. Генри пошёл за ней, чувствуя спиной взгляд хранителя — тяжёлый, как каменный свод над головой.

Восемьдесят три ступени. Он считал, чтобы не думать о том, что сказал Книггер. О схлопывающейся реальности. О семье, которая может исчезнуть.

На восемьдесят четвёртой Клери толкнула деревянную дверь, обитую выцветшим бархатом, и они вывалились в малую гостиную.

Здесь пахло лаком для мебели и сушёными травами — запахи их детства, пропитавшие каждую щель этого дома. Отсюда доносилась далёкая музыка — оркестр играл кадрили, привычную, почти надоевшую. Бальный зал был рядом, за поворотом коридора.

— Всё хорошо, — выдохнула Клери, поправляя волосы. — Мы просто ушли подышать воздухом. Никто ничего не узнает.

— А оно? — спросил Генри, кивнув в сторону закрывшейся двери. — Книггер?

— Мы разберёмся позже, — Клери взяла его под руку и улыбнулась — той самой улыбкой, которая заставляла Генри забывать обо всех тревогах. Она работала всегда. И сейчас она почти сработала. — А сейчас — идём. Лизз уже, наверное, проснулась и требует пирога.

Она толкнула высокие двери бального зала. Генри не успел ничего сказать.

Они шагнули в сияние сотен свечей, под звуки музыки, в говор и смех гостей.

Но смех затих слишком быстро.

Музыка оборвалась на полуслове. Последняя нота кадрили застыла в воздухе, как замерзшая капля, и растворилась в тишине.

Гости стояли. Все до одного. Но они не двигались. Не дышали. Их глаза были открыты — широко, до боли, — но в них не было ни мысли, ни страха, ни удивления. Просто стекло. Пустота. Оболочка, в которой когда-то жили люди, а теперь не осталось ничего.

— Что за... — начал Генри, но Клери дёрнула его за рукав.

Она указала в центр зала.

Там, на паркете, сиротливо валялся детский башмачок. Крошечный, белый, расшитый жемчугом. Башмачок маленькой Лизз, который ей подарила крёстная — слишком дорогой для ребёнка, который ещё даже не ходил.

А рядом с ним, в лужице не то воска, не то чего-то более густого и тёмного, лежала вишнёвая косточка.

Единственное, что осталось от пирога миссис Берстон.

— Их нет, — прошептала Клери. — Их никого нет.

— Кого — их? — спросил Генри, хотя уже знал ответ.

— Родителей. Гости. Лизз. Всех. А эти... — она обвела рукой неподвижные фигуры в бальных платьях и фраках, стоящие как восковые фигуры в музее, — это не люди. Это оболочки. Скорлупа. То, что остаётся, когда забирают душу.

— Или когда время схлопывается, — добавил Генри.

Клери схватила за его руку, вцепившись так, что побелели костяшки.

— Книггер знал, — сказала она. — Он знал, что это случится. И всё равно отпустил нас.

— Он предупреждал.

— Предупреждать недостаточно. — Клери сделала глубокий вдох. Генри видел, как она берёт себя в руки — физически, будто скручивает свою панику в тугий узел и заталкивает куда-то глубоко, туда, где она не сможет ей помешать. — Нам нужно вернуться.

— В подвал?

— К нему. К Книггеру. К этому... его Пустоте. Он сказал, что я должна найти Амелию. Значит, я найду.

Генри повернул её к себе, взял за плечи, заставил смотреть в глаза. Её глаза были мокрыми, но она не плакала — Генри не видел, чтобы Клери плакала с тех пор, как ей исполнилось десять и её любимая лошадь сломала ногу.

— Мы пойдём, — сказал он твёрдо. — Вместе. Ты не одна.

— Ты не обязан... — начала она.

— Я не обязан спасать мир, в котором живёт твоя и моя семья? — усмехнулся Генри. — Клери, мы полжизни провели бок о бок. Ты думаешь, я позволю тебе идти в Пустоту одной?

По её щеке скатилась слеза. Одна. Генри сделал вид, что не заметил.

— Тогда идём, — сказала она и развернулась к дверям, ведущим обратно в малую гостиную.

Они уходили из бального зала, полного пустых оболочек, оставляя за спиной неоконченный вальс, недопетую песню и маленький белый башмачок на полу. Впереди их ждали пятьдесят лет забытой истории, существо, чья верность стала тюрьмой, и женщина, застрявшая между жизнью и смертью.

А где-то в Пустоте — Генри не знал этого, но чувствовал — кто-то открыл глаза и улыбнулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ХРАНИТЕЛЬ И ЕГО НОША

Лестница вниз насчитывала девяносто две ступени. Генри считал — чтобы не сойти с ума от тишины, которая стучалась с каждым шагом, как туман над болотом. Ступени были каменными, стёртыми сотнями лет использования, и некоторые из них треснули — приходилось перешагивать, стараясь не наступить на край, чтобы не обрушить всё к чертям.

— Зачем ты считаешь? — спросила Клери, когда они дошли до сорока трёх.

— Чтобы не думать, — ответил Генри. — О том, что произойдёт, если мы не успеем.

— Мы успеем.

— Ты в этом уверена?

— Нет. — Она говорила честно — это было одно из её главных качеств и одновременно одна из главных проблем. Генри иногда хотелось, чтобы она солгала ему для успокоения. Но она никогда не лгала. И за это он её уважал. И ненавидел. — Но если я буду думать, что мы не успеем, то точно не успею.

— Логика железная, — вздохнул Генри.

— Ты знаешь.

На восемьдесят четвёртой ступени Клери вдруг остановилась. Генри чуть не налетел на неё — и вовремя успел схватиться за стену, чтобы не кувыркнуться вниз.

— Что такое?

— Внизу свет, — сказала Клери.

Генри прищурился. И правда — в глубине лестницы, там, где должна была быть крошечная тьма, мерцал слабый серебристый огонёк. Не свеча — свечи горят жёлтым. Не луна — луна даёт холодный, но рассеянный свет. Этот свет был живым. Он пульсировал, как сердцебиение. Как приглашение.

— Идём, — сказал Генри, беря Клери за руку.

Она не возражала.

Последние ступени они преодолели быстрее, чем планировали — ноги сами ускорили шаг, будто знали, что внизу их ждёт что-то важное. Или опасное. Или и то, и другое.

Книггер ждал их внизу.

Он стоял посреди песчаникового круга — того самого, на котором они очнулись после падения. Но теперь круг светился. Каждая трещина в камне была заполнена серебристым сиянием, будто кто-то залил их жидким светом и дал ему застыть.

В руках хранитель держал два факела. Не обычных — железных, с намётанными масляными тряпками. Эти факелы были сделаны из чёрного дерева, покрытого непонятными письменами, а вместо огня на их навершиях танцевали сгустки серебристо-белого света. Они не грели — Генри почувствовал это, когда Книггер протянул один из них Клери: от факела веяло холодом, как от ледяной глыбы посреди зимы.

— Возьми, — сказал хранитель. — Свет Ходящих. Он будет гореть, пока ты жива.

— А если я умру? — спросила Клери, принимая факел. В её голосе не было страха — было любопытство. Как у врача, который спрашивает о симптомах болезни, которой у него нет.

— Тогда он погаснет. И ты не сможешь вернуться.

— Утешил, — буркнул Генри, забирая второй факел.

Книггер повернулся к ним — весь, целиком. В его жёлтых глазах Генри увидел то, чего боялся больше всего на свете.

Надежду.

— Вы готовы? — спросил хранитель. — Потому что назад дороги не будет. Ни с первого шага. Ни со второй попытки. Никогда.

— Мы готовы, — сказала Клери.

— Я не тебя спрашивал, — Книггер посмотрел на Генри.

Генри вздохнул. Поправил шпагу на поясе — ту самую, незнакомую, которая оказалась у него неизвестно откуда. Она всё ещё была тяжёлой. Всё ещё чужой. Но рука уже привыкала к её весу.

— Я готов, — сказал он. — Идёмте уже. А то я передумаю.

Книггер кивнул. Развернулся — его длинные руки почти касались пола, когда он шёл, — и шагнул в проход между стеллажами, которого минуту назад здесь не было.

Генри поклялся бы, что стена была сплошной. Но сейчас между двумя огромными шкафами из чёрного дерева зиял узкий, тёмный коридор, уходящий куда-то вглубь. Из него тянуло холодом и запахом озона — как после грозы, только в сотню раз сильнее.

— Ты чувствуешь? — спросил Генри у Клери.

— Всё, — ответила она. — Я чувствую всё.

И они шагнули.

Первые несколько минут Генри думал, что они всё ещё в подвале. Каменный пол под ногами был ровным, холодным, и серебристый свет факелов выхватывал из мрака всё те же стены — серые, шершавые, покрытые паутиной, которой было не меньше ста лет.

Но потом пол под ногами исчез.

Генри не упал. Он просто перестал чувствовать опору — и при этом не рухнул в бездну. Его ноги продолжали делать шаги, и каждый шаг приходился на пустоту, но пустота держала. Как застывшая смола. Как утренний лёд на луже, который ещё не треснул, но уже хрустит под сапогами.

— Не смотрите вниз, — сказал Книггер из темноты.

Генри посмотрел вниз.

Под ним простиралась бесконечность.

Не темнота — темнота была бы даже уютнее. Под ним были нити. Тысячи, миллионы светящихся нитей, которые тянулись во всех направлениях — вверх, вниз, в стороны, переплетались, расходились, пересекались, создавая узоры, для которых не было названий в человеческом языке. Нити были разного цвета — серебряные, золотые, багровые, чёрные, — и каждая пульсировала, как живая, как сердце, как песня, которую можно не слышать, но чувствовать всем телом.

Одни нити были толстыми, как канаты, — они держали целые миры. Другие — тонкими, как волосы, — они принадлежали отдельным людям, их жизням, их выборам.

Генри видел, как одна из тонких нитей дрогнула — и где-то далеко, за пределами Пустоты, родился ребёнок. Другая оборвалась — и кто-то умер.

— Что это? — прошептал Генри, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота. Он не боялся высоты — он боялся масштаба. Боялся осознать, что всё, во что он верил — жизнь, судьба, случайность — на самом деле было вот этим. Нитями. Узлами. Плетением.

— Пустота, — ответил Книггер. — И одновременно — всё. Здесь сходятся все дороги, которые когда-либо открывали Ходящие. Каждая нить — чей-то путь. Чей-то выбор. Чья-то жизнь, переплетённая с другими.

— А это? — спросила Клери, указывая в сторону.

Генри посмотрел. Там, вдали — насколько вообще можно было судить о расстоянии в этом месте без ориентиров — висело пятно. Пятно густой, непроглядной черноты, которая не была просто отсутствием света. Она была плотной, почти осязаемой, как засохшая кровь на ране. И из этой черноты торчали обрывки нитей — рваные, потухшие, похожие на перебитые струны рояля, на котором больше никто не играет.

— Там, — сказал Книггер. Его голос дрогнул. — Там застряла Амелия.

— Это похоже на рану, — тихо сказал Генри.

— Потому что это рана, мальчик. Рана в самой ткани миров. И она не затянется сама, — Книггер перевёл взгляд на Клери. — Её нанёс Кассиан.

— Кассиан? — переспросила Клери.

— Он был Ходящим. Когда-то. Самым сильным из всех, кто когда-либо открывал двери. Но сила развращает, дитя. Особенно сила, которой можно брать, не отдавая взамен. Кассиан понял, что может не просто ходить между мирами — он может забирать чужие нити. Вплетать их в себя. Становиться сильнее с каждой украденной жизнью.

— Как чудовище, — сказал Генри.

— Он и стал чудовищем, — согласился Книггер. — Его тело давно умерло. Здесь, в Пустоте, он существует как тень. Как голод. Как желание, которое никогда не насытится. Он не может вырваться в ваш мир — ему нужна Ходящая, которая откроет дверь. Которую он сможет использовать как проводник.

— Поэтому он запер Амелию, — поняла Клери. — Он ждал. Знал, что рано или поздно кто-то придёт её спасать.

— Или она сама вырвется. Но Амелия не вырвалась. Она сильнее, чем он думал, — Книггер почти улыбнулся. — Она спрятала часть своего дара. Самую важную часть. Ту, что позволяет выбирать. Кассиан получил её силу — но не получил права ею распоряжаться. Он может питаться чужими жизнями, но не может управлять нитями.

— А я могу? — спросила Клери.

— Ты должна будешь научиться. Быстро. Потому что если Кассиан поймёт, что ты пришла за тем, что он считает своим... — Книггер не договорил.

— Он придёт за мной, — закончила Клери.

— Он уже идёт, — сказал Генри.

Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Просто почувствовал — спиной, затылком, тем местом между лопаток, которое всегда холодеет перед опасностью. Пустота вокруг них изменилась. Нити, которые спокойно пульсировали секунду назад, вдруг задрожали — и некоторые из них начали темнеть.

— Бежим, — сказал Книггер. — Бежим сейчас же.

— Куда? — спросила Клери.

Хранитель указал длинным пальцем в сторону — туда, где в полумраке серебристого света виднелся едва заметный просвет. Не дверь. Не арку. Просто... место, где нити расступались, освобождая небольшую полянку посреди бесконечного переплетения.

— Там убежище. Станция. Место, где останавливались Ходящие в долгих переходах. Кассиан туда не сунется — там слишком много старых следов. Его собственных в том числе.

— Он боится своих следов? — спросил Генри, уже переходя на бег.

— Он боится воспоминаний, — ответил Книггер, семена рядом. — Боится того, кем был когда-то. До того, как стал чудовищем.

Они бежали по невидимой поверхности, и нити свистели под ногами, как струны, по которым ударили смычком. Генри не оглядывался — он боялся увидеть, что тьма за их спинами становится гуще. Быстрее.

Они влетели в просвет — и Генри на секунду ослеп.

Внутри убежища было светло. Не серебристо, как от факелов, а тёплым, жёлтоватым светом, похожим на тот, что дают керосиновые лампы в его комнате по вечерам.

Это было маленькое помещение — круглая комната, обставленная так, будто здесь жили и ждали. Вдоль стен стояли кресла: одно — из тёмного бархата с золотыми кистями, другое — плетёное из светящихся прутьев, третье — просто облако, держащее форму сиденья. В углу — железная печка, в которой горел огонь, хотя дымохода не было видно. На стенах — карты. Не географические — другие. На одной была изображена паутина нитей, похожая на ту, что

простиралась под ногами. На другой — звезда с множеством лучей, каждый из которых уходил в свой мир.

Книггер захлопнул за ними невидимую дверь — Генри услышал глухой удар, будто захлопнулся тяжёлый сейф, — и рухнул в кресло, тяжело дыша.

— Что это за место? — спросила Клери, оглядываясь. Она не выглядела испуганной — скорее заинтересованной. Как коллекционер, который нашёл новую диковинку в лавке старьевщика.

— Привал, — сказал Книггер, вытирая пот со лба. Длинные пальцы тряслись. — Раньше Ходящие останавливались здесь, чтобы перевести дух. В Пустоте нет времени, но есть усталость. И если не отдыхать, можно сойти с ума.

— А теперь? — спросил Генри.

— А теперь здесь никто не бывал пятьдесят лет. С тех пор, как Амелия... — Книггер не договорил.

Клери подошла к одному из кресел. Провела рукой по бархату — на пальцах осталась пыль. Но не серая, как обычно, а серебристая, мерцающая.

— Кто-то был здесь до нас, — сказала она. — Недавно.

Книггер поднял голову. Его жёлтые глаза расширились.

— Что ты чувствуешь, дитя?

— Дар, — ответила Клери. Она закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то внутри себя. — Чужой. Он был здесь. Не Кассиан. Кто-то другой. Такой же, как я. Ходящий.

— Это невозможно, — сказал Книггер. — Все Ходящие, кроме Амелии, давно мертвы. Род Берстонов — последний.

— А если не Берстонов? — спросил Генри.

Книггер и Клери уставились на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Клери.

— Вы говорите, что дар передаётся по женской линии. Что Ходящими рождаются только женщины. А если это не так? Если в какой-то семье родился мужчина с этим даром? — Генри пожал плечами. — Я ничего не понимаю в вашей магии. Но в бизнесе отца есть правило: если спрос есть, то будет и предложение. Даже если все говорят, что его не может быть.

Клери задумалась. Генри видел, как в её глазах что-то щёлкает — будто она решает уравнение, которое считала неразрешимым.

— Книггер, — сказала она медленно. — Мужчины в роду Берстонов никогда не проявляли дара?

— Никогда. Дар — это женское. Мать передаёт дочери. Иногда — внучке, если дочь не одарена. Но мужчины...

— А в других родах?

Книггер замолчал. Его длинные уши прижались к голове — жест, который Генри уже научился распознавать как признак сильного волнения.

— Были слухи, — сказал хранитель наконец. — Очень старые слухи. О семье, в которой дар проявился у сына. Но это было давно. До того, как Кассиан начал охотиться на Ходящих. Я думал, эта семья вымерла.

— А если не вымерла? — спросила Клери.

— Если не вымерла — значит, здесь, в Пустоте, есть кто-то, кто мог бы нам помочь, — Книггер встал с кресла, и его глаза загорелись надеждой — той самой, которую Генри видел в них раньше. — Кто-то, кто знает Кассиана. Кто знает его старые пути.

— Или кто-то, кто работает на Кассиана, — мрачно заметил Генри. — Давайте не будем забывать о такой возможности.

— Не будем, — согласилась Клери. — Но и сидеть здесь вечно мы не можем. Книггер, веди нас дальше. К сердцу.

— Прямо сейчас? — переспросил хранитель. — Без отдыха?

— Мы отдохнём там, — Клери кивнула в сторону выхода. — Или не отдохнём вообще. Время не ждёт. Генри, ты как?

— Я уже понял, что со мной никто не советуется, — вздохнул Генри. — Поэтому — идём.

Книггер вздохнул — всем своим маленьким телом, так, что его плечи поднялись и опустились, как крылья — и направился к выходу.

— Только одно, — сказал он, уже взявшись за невидимую ручку. — Если мы встретим в Пустоте того, кто назовётся Ходящим — не доверяйте ему сразу. Особенно если он будет выглядеть как человек. Особенно если он будет молодым и красивым. Особенно если будет предлагать помощь безвозмездно.

— Почему? — спросил Генри.

— Потому что Кассиан тоже когда-то был молодым и красивым, — ответил Книггер. — И он очень хорошо умеет притворяться.

Он открыл дверь — и они шагнули обратно в Пустоту.

На этот раз путь был короче. Или Генри просто перестал замечать время. Пустота вокруг них менялась — серебристый свет факелов выхватывал то обрывки стен, то бесконечные лестницы, ведущие в никуда, то арки, за которыми открывались чужие миры: горы, незнакомые города, моря с водой не голубого, а фиолетового цвета.

Клери шла впереди, и Генри видел, как она меняется. Её движения стали увереннее, взгляд — острее. Она замечала то, что он не замечал: дрожание нити вдалеке, изменение цвета света, едва уловимый запах, который приносил ветер из неоткуда.

— Ты видишь дорогу? — спросил он.

— Дар видит, — ответила Книггер вместо неё. — Он ведёт её. Как компас. Как голос крови.

— И далеко нам ещё?

Книггер остановился.

Они стояли на краю обрыва — если это слово вообще применимо к месту, где нет ни земли, ни неба, ни верха, ни низа. Просто — обрыв. Бездна, которая была больше и глубже любой другой бездны, которую Генри мог вообразить.

А в центре этой бездны висело нечто.

Не клубок. Не сердце. Не узел.

Нечто, что было всем сразу.

Генри видел нити — тысячи, миллионы нитей, вплетённых в одну тугую, пульсирующую массу. Она дышала. Она жила. Из неё доносились голоса — шёпот, крики, молитвы, проклятия. Все сразу. И ни одного по отдельности.

— Что это? — прошептал Генри.

— Сердце Кассиана, — сказал Книггер. — Мы пришли.

Клери шагнула вперёд. К самому краю.

— Амелия, — прошептала она в пустоту. — Я здесь. Я пришла.

Тишина.

А потом из пульсирующей массы донёсся голос. Слабый, далёкий, но узнаваемый — потому что это был голос, который Клери слышала каждое утро, когда смотрелась в зеркало.

— Ты опоздала, дитя, — сказала Амелия Берстон.

— Я знаю, — ответила Клери. — Прости.

— Простить? — В голосе прорезалась усмешка — старая, надтреснутая, но живая. — Прощать не за что. Ты пришла. Это главное. Остальное — пустяки.

— Как мне тебя вытащить? — спросила Клери.

— Вытащить? — Амелия рассмеялась. Глухо, надрывно, как умирающий орган в заброшенной церкви. — Дитя, меня нельзя вытащить. Я здесь слишком долго. Я стала частью этого

сердца. Но я могу отдать тебе свой дар. Можешь распутать узел. И тогда Кассиан падёт. А твоя семья вернётся.

— А ты?

Амелия помолчала.

— Я умру по-настоящему, — сказала она. — Наконец-то.

Клери закрыла глаза. Генри видел, как дрожат её плечи — всего секунду, а потом она взяла себя в руки. Взяла так же, как всегда — сжала волю в кулак и заставила себя дышать ровно.

— Я сделаю это, — сказала она.

— Знаю, — ответила Амелия. — Потому что ты — моя внучка. И потому что у тебя есть то, чего не было у меня.

— Что?

— Тот, кто держит твою руку, — голос Амелии стал мягче. — Не отпускай его, Клери. Такие не часто встречаются.

Клери обернулась. Генри стоял в двух шагах, уже протянув руку.

— Я не отпущу, — сказал он.

— Тогда идём, — Клери взяла его за руку. — Что бы ни ждало нас внутри.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: УЗЕЛ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Клери шагнула за порог — и мир рассыпался на осколки.

Свет, окружавший сердце, оказался не просто светом. Это была дверь, которую Книгтер не заметил. Или не захотел замечать.

Она ожидала, что они сразу окажутся внутри сердца — в тесной пульсирующей тьме, сплетённой из нитей. Но вместо этого её встретил коридор.

Длинный, бесконечный, уходящий куда-то вдаль. Стены его были сотканы из золотых нитей, а пол — из серебряных. Книгтер шёл впереди, его длинные ноги семенили по сияющей поверхности.

— Где мы? — спросила Клери.

— В Узле, — ответил хранитель, не оборачиваясь. — Между внешней стеной сердца и его ядром. Кассиан не хотел, чтобы кто-то добирался до него напрямую. Он создал лабиринт. Из нитей, из воспоминаний, из ловушек.

— И долго нам идти? — спросил Генри.

— Столько, сколько нужно, — привычно ответил Книгтер.

Клери чувствовала золотой свет. Он был густым, тёплым — почти обжигающим, как воздух над раскалённой плитой. Он лился отовсюду: из стен, из пола, из воздуха, проникал сквозь закрытые веки, сквозь одежду, сквозь кожу. В этом свете она чувствовала себя не чужой, а долгожданной.

Словно её здесь ждали.

— Не нравится мне это, — буркнул Генри за её спиной. — Слишком уютно для логова чудовища.

— Чудовища тоже любят уют, — ответила Клери, открывая глаза. — У них, знаешь ли, тоже бывает чувство прекрасного.

— Сомневаюсь, — возразил Генри. — Но ладно.

Книгтер шёл впереди, его длинные ноги семенили по полу, который казался то каменным, то стеклянным, то вовсе исчезал под ногами. Факелы, которые дал им хранитель, горели ровно, серебристо, не согревая, но освещая путь. Они не коптили, не дымили, не трещали — просто висели в воздухе, как два застывших воспоминания о свете.

— Сколько нам ещё? — спросил Генри в десятый раз.

— Столько, сколько нужно, — в десятый раз ответил Книгтер. — В Пустоте нет расстояний. Есть только пути. И выбор.

— Ты сегодня прямо философ, — заметил Генри.

— Я всегда был философом, мальчик. Просто вы, люди, не умеете слушать тишину, — Книгтер даже не обернулся. — В вашем мире слишком много шума. Крики, скрипы, звон монет, стук колёс. А здесь — тишина. Настоящая. Которая говорит громче любых слов.

Клери шла молча, но внутри неё всё гудело. Дар — тот самый, что передавался по женской линии от Амелии к её матери, а потом к Элизабет, которая отказалась от него, а потом — к Клери, словно устав ждать, — пульсировал в такт шагам. Она чувствовала нити под ногами, над головой, по бокам. Чувствовала, как они пересекаются, переплетаются, расходятся. Как одни тянутся вверх — туда, где, возможно, находятся миры, полные жизни, а другие уходят вниз — в черноту, в холод, в никуда.

И ещё она чувствовала биение чужого сердца. Огромного, тёмного, голодного. Оно билось где-то впереди, и каждый удар отдавался в её груди, как эхо. Кассиан.

— Он знает, что мы здесь, — сказала она. Не вопрос — констатация факта.

— Конечно, знает, — Книгтер не обернулся. — Он всегда знает, когда кто-то входит в его владения. Вопрос не в том, знает ли он. Вопрос в том, насколько он голоден сегодня.

— А если он очень голоден? — спросил Генри.

— Тогда он не станет играть с вами в кошки-мышки. Просто нападёт сразу.

— А сейчас он играет?

Книгтер остановился. Повернулся к ним. В его жёлтых глазах, освещённых серебристым светом факелов, Генри увидел то, чего боялся больше всего на свете: неуверенность.

— Не знаю, — признался хранитель. — Раньше я мог его чувствовать. Но он изменился. Стал сильнее. Или слабее. Или просто другим. Кассиан — это не человек, мальчик. Это голод, принявший форму. Он не думает — он желает. Не планирует — он ждёт.

— Утешил, — вздохнул Генри. — Просто бальзам на душу.

— Я не утешитель, — Книгтер развернулся и пошёл дальше. — Я проводник. Моё дело — вести. Ваше — не бояться.

— А если я всё равно боюсь? — спросила Клери.

— Тогда бойтесь, — ответил Книгтер. — Но идите. Страх не должен останавливать. Страх должен заставлять ноги двигаться быстрее.

Они свернули в боковой коридор, и стены вокруг них изменились. Золотой свет померк, сменившись серебряным. Вместо гладких, словно отполированных поверхностей появились стеллажи. Старые, пыльные, бесконечные. Заставленные книгами в кожаных переплётах, с корешками, на которые страшно было смотреть — буквы на них шевелились, перетекая одна в другую, складываясь в слова, которые Клери не узнавала.

— Это библиотека? — спросила она.

— Нет, — Книгтер остановился у одного из стеллажей и провёл пальцем по корешкам. Его шестипалая ладонь дрожала. — Это память. Книги, которых никто никогда не писал. Истории, которые не случились. Жизни, которые могли бы быть.

— Зачем они здесь? — Генри смотрел на ближайший стеллаж с выражением человека, который в принципе не против почитать, но не в такой же компании.

— Кассиан коллекционирует не только души. Он коллекционирует возможности. Каждая книга здесь — это выбор, который кто-то не сделал. Дверь, которую кто-то не открыл. Слово, которое кто-то не сказал.

— Печально, — сказала Клери.

— Это Пустота, дитя, — Книгтер посмотрел на неё. — Здесь всё печально. Даже радость здесь грустная.

Клери подошла к стеллажу. Протянула руку к одной из книг — и отдернула, словно обожглась. Книга под пальцами оказалась горячей. Живой. Она пульсировала, как сердце, как та нить, которую Клери видела в подвале, когда касалась сердца Кассиана.

— Не трогай, — сказал Книгтер. — Некоторые истории заражны.

— Заражны?

— Можно потеряться в чужой жизни. Забыть, кто ты. Начать думать, что ты — тот, кто не сделал выбор. А это хуже смерти, поверь старику.

Они пошли дальше. Коридор расширился, стеллажи исчезли так же внезапно, как и появились, словно их сдуло ветром. И они оказались перед дверью.

Дверь была маленькой. Деревянной, обитой ржавым железом, с петлями, которые помнили, наверное, ещё прадеда Клери. Но стояла она не в стене. Она стояла посреди ничего — на крошечном островке, окружённом со всех сторон серебристой пустотой. Под ней не было пола — только та же пустота, которая переливалась, как спокойное море в лунную ночь.

— Что это? — спросил Генри.

— Чьи-то владения, — ответил Книгтер. — Здесь живут те, кто не принадлежит ни одному из миров. Те, кого забыли все, кроме Пустоты. Они не любят гостей, но иногда делают исключения.

Он толкнул дверь.

— Заходите. Сил у вас немного, а впереди долгий путь.

За дверью оказалась комната.

Маленькая, круглая, с высоким потолком, который уходил в бесконечность — сколько Клери ни вглядывалась, она не могла разглядеть, где он кончается. Вдоль стен стояли кресла — все разные, словно собранные из разных миров с разных континентов и из разных столетий. Одно — из тёмного бархата с золотыми кистями, какие Клери видела в будуаре своей матери. Другое — плетёное из светящихся прутьев, которые тихо пели, когда воздух колыхался. Третье — просто облако, держащее форму сиденья, и когда Клери посмотрела на него, облако чуть шевельнулось, будто приглашая присесть.

В центре комнаты, за круглым столом, сидели двое. И играли в карты.

— Шестьдесят три, — сказал первый.

Он был маленьким — ниже Книггера, с кожей цвета старой бронзы и огромными глазами без зрачков. Глаза были жуткими — Клери смотрела в них и не видела ни дна, ни мысли, ни души. Только пустоту. Но не ту, враждебную, которая окружала их сейчас, а спокойную, как у человека, который видел слишком много, чтобы удивляться.

На нём был сюртук, расшитый звёздами. И звёзды двигались — медленно, как настоящие созвездия, поворачиваясь, мерцая, иногда вспыхивая ярче, иногда угасая.

— Восемьдесят один, — возразил второй.

Этот был высоким — почти под потолок. Таким худым, что казался тенью, натянутой на каркас. Но лицо у него было добрым — с большими усами, закрученными вверх, как у старого корнета с картины, которую Клери видела в галерее. Усы были пышными, ухоженными и явно составляли гордость их владельца.

— Я сдаюсь, — сказал первый, отбрасывая карты. — Ты жульничаешь.

— Я всегда жульничаю, — гордо ответил высокий. Он поднял голову и уставился на Клери. — О. Новые лица. Арчи, ты видишь?

— Не слепой, — ответил бронзовый, которого называли Арчи. Он повернулся к Книггеру, и его огромные глаза без зрачков сузились. — Книггер, старый плут, ты что, снова завёл себе Ходящую?

— Здравствуй, Арчи, — сказал Книггер. Он вошёл в комнату и с облегчением опустился в плетёное кресло, которое закрипело под его весом. — Здравствуй, Бубликс.

— Не отвлекайся, — Бубликс, высокий, махнул рукой. — Я спросил: ты что, снова завёл себе Ходящую? А эту где взял? Похожа на Амелию, только вреднее.

— Это её внучка, — Книггер указал на Клери. — Клери Берстон. И её друг — Генри Рейс.

— Генри, — повторил Бубликс, жуя ус. — Скучное имя. Без полёта. А вот эта — интересная. — Он повернулся к Клери. — Я — Бубликс. А это мой несносный спутник — Арчи. Мы — Проводники. Ну, бывшие. А теперь просто старые сплетники, которые живут в Пустоте, потому что в других мирах нас забыли.

— Не забыли, — буркнул Арчи. — Просто не позвали.

— Какая разница, — Бубликс махнул рукой. — Важно другое. Ты, девочка, идёшь к Кассиану. И ты, парень с пафосной шпагой, тащишься за ней. И вы оба понятия не имеете, куда идёте.

— Мы ищем сердце Кассиана, — сказала Клери. — Книггер сказал, что оно сплетено из нитей.

— Так и есть, — кивнул Бубликс. — Только сердце это не висит на видном месте, как ёлочная игрушка. Кассиан спрятал его там, куда даже Ходящие боятся соваться. В Забытый Узел.

— Что это? — спросил Генри.

Арчи и Бубликс переглянулись.

— Пятьдесят лет назад, — начал Арчи, перебирая карты. Карты были странными — на них двигались картинки. Клери увидела мельком короля, который подмигнул ей, и даму, которая отвернулась, обиженная на что-то. — Когда Амелия вошла в Пустоту впервые, она наткнулась на одно место. Узел. Там пересекались тысячи нитей — больше, чем где-либо в Пустоте. Она хотела их распутать. Сделать чистый проход между мирами.

— Нити начали рваться, — продолжил Бубликс. — И падать. И те, кому они принадлежали... исчезали. Не умирали, нет. Просто переставали существовать. Как будто их никогда не было.

Клери похолодела.

— Моя семья исчезла, когда я отказалась вернуться в подвал, — сказала она. Голос её звучал ровно, но внутри всё сжалось в тугой ком.

— Вот-вот, — Бубликс щёлкнул пальцами. — Та же механика. Ты открыла дверь — и мир начал схлопываться. Амелия открыла Узел — и нити начали рваться. Разница в том, что ты закрыла свою дверь вовремя, когда поняла, что что-то идёт не так. А Амелия не смогла. Потому что Кассиан был уже там, внутри. Он ждал. Он всегда ждёт.

— Он использовал её дар, чтобы спрятать своё сердце, — поняла Клери.

— Умная девочка, — одобрительно кивнул Арчи. — Именно. Кассиан сплёл своё сердце из нитей, которые рвала Амелия. Из её боли, из её страха, из её отчаяния. И спрятал его в самом центре Узла.

— Как нам его найти? — спросил Генри.

Бубликс и Арчи снова переглянулись. Потом бронзовый человечек встал, подошёл к одному из кресел — к тому, что было похоже на облако — и вытащил из-под него старый, потрёпанный компас. Кожаный ремешок на нём истлел, металлический корпус покрылся зелёной патиной. Но внутри компаса не было стрелки. Вместо неё трепыхался живой огонёк — маленький, серебристый, похожий на светлячка, который надышался волшебством и решил, что ему нужен отпуск.

— Это след Амелии, — сказал Бубликс. — Мы хранили его полсотни лет. Знали, что рано или поздно кто-то придёт. Кто-то, кто сможет её спасти. Или хотя бы попытается.

— И теперь он ваш, — Арчи протянул компас Клери. Его длинные пальцы — у Арчи они тоже были длинными, почти как у Книггера — дрожали. — Он приведёт вас к сердцу. Туда, где Амелия. Туда, где Кассиан.

Клери взяла компас. Огонёк внутри заметался — заметался, замер и повернулся, указывая в одну сторону. Туда, где стена комнаты внезапно стала прозрачной, и за ней открывался новый коридор — тёмный, узкий, уходящий куда-то вниз. Вглубь Пустоты. В самое сердце тьмы.

— Спасибо, — сказала Клери.

— Не благодари, — отмахнулся Бубликс. — Лучше принеси нам оттуда что-нибудь на память. Кассиан, говорят, воровал часы. Красивые, золотые, с кукушкой. Я всегда хотел такие.

— Бубликс! — шикнул на него Арчи. — Свести у тебя нет! Люди идут на верную смерть, а он — часы!

— Что? Что? — Бубликс развёл руками. — Человек идёт на верную смерть, а я не могу попросить сувенир? Это бесчеловечно, Арчи. Ты просто завидуешь, что я первый вспомнил про часы.

— Ничего я не завидую, — буркнул Арчи. — Просто у тебя нет такта.

— А у тебя нет чувства юмора, — парировал Бубликс. — Сидишь тут, карты жульничаешь, на гостей бурчишь. Старый ворчун.

Клери невольно улыбнулась. Впервые с того момента, как она открыла глаза в этом проклятом подвале. Улыбка была слабой, но она была.

— Я принесу вам кукушку, — пообещала она. — Если вернусь.

— Когда, — поправил Генри. — Когда вернёшься. Без вариантов.

— Мне нравится этот парень, — сказал Бубликс, глядя на Генри. — Оптимист. Редкость в наше время. Держись за него, девочка. Такие быстро не кончаются.

— Бубликс! — снова шикнул Арчи.

— Что? Что? Я комплимент сделал!

Клери покачала головой и шагнула в коридор. Генри за ней. Книггер, вздохнув, поднялся из кресла и потрусил следом.

— Удачи вам! — крикнул Бубликс в спину. — И помните: главное — не умирать! Это сильно портит настроение!

— Бубликс, замолчи!

Дверь за ними закрылась с глухим стуком, отрезая голоса двух странных существ.

— Они всегда такие? — спросил Генри.

— Всегда, — ответил Книггер. — Я знаю их уже несколько тысяч лет. Они не меняются.

— Тысяч? — переспросил Генри. — Сколько тебе лет, Книггер?

— Много, мальчик. Больше, чем твоему миру. Не спрашивай о возрасте стариков — это невежливо.

Клери смотрела на компас. Огонёк внутри него горел ровно, указывая путь. Они пошли вперёд — по коридору, который становился всё уже и темнее.

Комната Бубликса и Арчи осталась позади. Теперь вокруг снова была Пустота — серая, безликая, равнодушная. Нити висели по бокам, как шторы, за которыми скрывались чужие жизни.

— Они знают больше, чем сказали, — заметил Генри.

— Все в Пустоте знают больше, чем говорят, — ответил Книггер. — Вопрос не в том, что они знают. Вопрос в том, что они готовы открыть.

— А что они не открыли?

Книггер промолчал.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.